**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 3 (70)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-16

УДК 398.3

Рудь А.А. *, Карась П.Л.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: raa@bk.ru (Рудь А.А.); karas.polin@gmail.com (Карась П.Л.)

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САКРАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ ХАНТОВ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Цель исследования — выявление природных особенностей ландшафтов, определяющих их сакрализацию сургутскими хантами. Задачи: обзор механизмов сакрализации пространства и факторов, влияющих на этот процесс; категоризация природных ландшафтов, ассоциирующихся у сургутских хантов с разными видами сверхъестественных существ — божествами и духами; выявление закономерностей расположения сакральных ландшафтов. Источниками для исследования послужили публикации о священных местах сургутских хантов, а также архивные материалы — отчеты о научно-исследовательской работе, учетная документация по культовым объектам хантов Сургутского района ХМАО — Югры, а также полевые материалы А.А. Рудя, собранные с 2002 по 2017 г. У хантов Сургутского Приобья наиболее предпочтительными для сакрализации являются доминирующие в равнинном рельефе высоты, участки коренных террас водоемов, устья рек, острова и мысы озер и рек, глубокие места водоемов, а также другие ландшафты, в которых ханты фиксируют уникальность. Еще одной причиной сакрализации природных объектов является окказиональный фактор. Природный ландшафт может быть связан с каким-либо необычным (или историческим) событием в жизни человека (или сообщества) или же ассоциироваться с мифологическими персонажами традиционной картины мира. В таком случае наблюдается приуроченность сакрального ландшафта к любой точке таежного пространства.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, сургутские ханты, сакральный ландшафт, божества, духи.

Ссылка на публикацию: Рудь А.А., Карась П.Л. Природно-географические особенности сакральных ландшафтов хантов Сургутского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 187–197. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-16

Введение

Настоящая работа является продолжением исследований, посвященных сакрализации пространства у коренных жителей Западной Сибири [Балалаева, 2002; Jordan, 2003; Адаев, Карась, 2022; и др.]. Космос сургутских хантов, проживающих в Среднем Приобье, еще недавно был населен множеством сверхъестественных существ [Карьяланен, 1994, 1995]. Одухотворенность всего таежного пространства в мировоззрении сургутских хантов предполагает наличие точек проявления деятельности персонажей (обитателей, хозяев, покровителей) этих сфер. Авторы придерживаются подхода о разделении всех существ традиционных верований сургутских хантов как минимум на две группы — персонифицированных фигур (божеств *ʹлункэтʹ*) и неперсонифицированных (духов). В соответствии с этим вполне уместно выделить у сургутских хантов места обитания божеств, которые маркируют как *йымынг тохи* («священное место», «святилище»), а также места обитания духов, которые информанты часто снабжают эпитетом — *атым тохи* («нехорошее место») [Рудь, 2023]. В силу того что не все персонажи, отнесенные к группе «духи», имеют негативные коннотации, последний тип ландшафтов предложено обозначить термином «почитаемые места». Места пребывания божеств и духов являются точками коммуникации человека и этих персонажей. В настоящей работе они будут обозначены термином «сакральный ландшафт».

Методологическим основанием исследования служит концепция сакральных ландшафтов, истоки которой восходят к дихотомии «священное»/«мирское». Разработка значений и дефиниции этого термина были предметом изучения разных ученых начиная с идеи «иерофании» М. Элиаде [1994]. Понятие «сакральный ландшафт» вошло в нормативные документы ЮНЕСКО как составная часть «ассоциативных ландшафтов», являющихся одним из элементов «культурного ландшафта» [Кулешова, 2002, с. 11–13]. Мы придерживаемся определения «сакрального

* Corresponding author.

ландшафта» как «результата интеллектуальной и духовной деятельности людей по организации, управлению природных… ландшафтов. Управляющее воздействие людей на природный ландшафт в процессе его сакрализации выражается в наделении природных и рукотворных объектов… необычными качествами (священным содержанием)» [Окладникова, 2014, с. 22–23]. В процессе обобщения сведений о локализации святилищ и почитаемых мест сургутских хантов, а также в ходе анализа их соотнесения с определенными природными ландшафтами использован картографический подход в комбинации с открытыми данными космоснимков.

Цель исследования — выявление природных особенностей ландшафтов, определяющих их сакрализацию сургутскими хантами. Для достижения цели решался ряд задач, в число которых входило: обзор механизмов сакрализации пространства и факторов влияющих на этот процесс; категоризация природных ландшафтов ассоциирующихся у сургутских хантов с разными видами сверхъестественный существ — как с божествами, так и с духами; выявление закономерностей месторасположения сакральных ландшафтов.

Практическая реализация цели исследования может найти применение в прогнозировании выявления сакральных ландшафтов коренного населения таежной зоны Западной Сибири с целью их сохранения или минимизации негативного воздействия. Результаты исследования могут быть использованы при этнологической экспертизе территорий проживания коренных малочисленных народов Севера перед промышленным освоением [Головнев и др., 2014; Адаев и др., 2019; Данилова, 2024].

Не менее востребована теоретическая составляющая исследования — выявление предпочтительных характеристик ландшафтов, ассоциирующихся у сургутских хантов с местами обитания божеств и духов, которые могли бы выступить одним из этноидентифицирующих факторов при сравнительном анализе с другими традиционными культурами Сибири.

Регулярные упоминания о сакральных ландшафтах коренного населения Сургутского Приобья фиксируются как в работах исследователей рубежа XIX–XX вв. [Карьялаенен, 1995, с. 63–96, 154–155; Мартин, 2004, с. 32; Дунин-Горкавич, 1996, с. 160], так и в публикациях XX в. [Лехтисало, 1998, с. 45-48; Шатилов, 1931; Кулемзин, 1984; Головнев, 1995; Зенько, 1997; и др.]. С 1970-х гг., в связи с индустриализацией Сургутского Приобья, при отводе земельных участков испрашиваемых под промышленное освоение, стали активно проводиться исследования, целью которых выступало сохранение объектов культурного наследия, в том числе священных мест. Такие работы осуществлялись археологами, этнографами, архитекторами, антропологами и по-разному отражали специфику и характеристики сакральных ландшафтов. Неотъемлемой частью многих изысканий было натурное обследование для изучения ландшафтных характеристик, планировочной структуры, функциональных зон, фиксации сакральных построек, а также других аспектов хантыйских святилищ [Морозов, 1992; Морозов и др., 2002; Ведмидь, 2012; и др.]. К настоящему времени, после процедуры обоснования историко-культурной значимости и прохождения историко-культурной экспертизы, 16 святилищ, почитаемых сургутскими хантами, получили статус «объекта культурного наследия РФ» [Достопримечательные места Югры]. Основной массив сакральных ландшафтов Сургутского Приобья находится в статусе «объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия» и ожидает процедуры историко-культурной экспертизы.

Источниками для исследования священных мест, ассоциируемых с божествами, послужила учетная документация по святилищам Сургутского района ХМАО — Югры, подготовленная автором статьи (вместе с соавторами) в 2006 гг. [Рудь, 2006; Ведмидь, Рудь, 2006], 2007 [Рудь, 2007], 2010 [Ведмидь и др., 2010a, 2010b], а также проекты обоснования достопримечательных мест на территории проживания сургутских хантов в Среднем Приобье [Липс, 2012; Рудь, 2014; Ведмидь и др., 2015; Данилова, Бахарев, 2015; Терехин и др., 2015]. Наиболее многочисленны и представительны материалы по священным местам бассейна р. Большой Юган (вместе с Малым Юганом) и бассейна р. Тромъеган — они явились основной базой исследования. В качестве дополнительных материалов привлечены сведения о священных местах Лямина, Пима и Агана.

Малоизученной является категория сакральных ландшафтов, связанная с неперсонифицированными фигурами — духами, условно обозначенная нами как почитаемые места. Духи часто выступают негативно настроенными к человеку существами. Места их обитания для человека — территории избегания, поэтому в границах таких урочищ ханты практически не осуществляют хозяйственную деятельность, а материальные маркеры традиционных культов фиксируются редко. Вместе с тем сведения о местах обитания этих персонажей содержат архивные источни-

ки [Карачаров, 2001] и публикации [Карьялайнен, 1995, с. 271–282; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 130–131; Головнев, 1995, с. 265–266; Зенько, 1997, с. 44–51]. Современные материалы о местах обитания духов были получены в ходе полевых исследований А.А. Рудя 2002–2017 гг. к хантам рек Лямин, Пим, Тромъеган, Аган, Большой и Малый Юган, Демьянка.

Факторы сакрализации таежного пространства

Картина мира коренных жителей тайги формируется на протяжении всей жизни эмпирическим путем во время хозяйственной деятельности, гостевых поездок, в процессе посещения населенных пунктов и промышленных площадок, перемещения на современных видах транспорта. Несмотря на кажущуюся типичность и однородность таежно-болотных ландшафтов Западной Сибири, еще в работах географов XX в. отмечается, что коренные жители тайги четко видят даже незначительные различия природных характеристик окружающих их урочищ [Материалы по изучению Сибири, 1930, с. 68]. В настоящее время сургутским хантам широко доступен весь арсенал пользовательской картографии и навигации. Вместе с тем на картину мира таежного жителя определенное влияние оказывают и традиционные воззрения. В мифологической картине мира необычные ландшафты продолжают восприниматься как места пребывания или деяний божеств и духов, что предполагает формирование особого отношения к подобным объектам.

При сакрализации ландшафта в первую очередь происходит считывание особенностей рельефа, далее могут подключаться и другие факторы. Считывание характеристик ландшафта обитателем тайги может вызывать ассоциативную связь, которая актуализирует символы традиционных верований и фольклорные сюжеты. Наблюдаемые с определенных точек пространства, ярко выраженные черты рельефа таких природных объектов или же особенности микрорельефа, флоры и фауны делают их в сознании человека местом обитания разнообразных персонажей хантыйского космоса. С учетом субъективного восприятия ландшафта человеком с традиционной картиной мира перед нами предстает огромная вариативность поводов сакрализации, таких как: особенности рельефа; нетипичная флора (редкие для данного микрорельефа виды растений, необычного вида деревья) и наличие необычных представителей животного мира, обитающих в границах данных ландшафтов; необычный цвет воды в водоеме, ее прозрачность/мутность; долгое незастывание водоема; наличие нетипичных геологических структур/образований; необычные явления или находки (в том числе артефакты), а также масса других критериев сакрализации — вплоть до знамений, видений и других оказий, случившихся с человеком.

Сакрализация определенных ландшафтов может соотноситься с рядом факторов, связанных с давними историческими или эпическими событиями, которые через миф стали одной из составляющих картины мира сургутских хантов. Визуальным подтверждением этих исторических или эпических вех могут выступать ярко выраженные в рельефе археологические объекты, которые, в представлениях информантов, являются домом (крепостью, стойбищем) божеств — участников эпических событий [ПМА. 2003, 2004, 2012]. Известны примеры, когда поводом для сакрализации ландшафта стала нетипичная растительность: *в этом месте сначала кедр рос, а затем с этого ствола стала береза расти — поэтому место священное* [ПМА. 2004]; *дерево в Сурламкиных видели — кедр такой сухой на берегу реки? Это дерево священное. Когда раньше на рыбалку ездили, то лункэт — «Девчонок-сестер» с Ачимовых всегда брали с собой, в лодке везли. И там, на берегу, их около дерева вытаскивали, приношение им делали* [ПМА. 2008]. Также местами, ассоциирующимися со сверхъестественными персонажами, выступают ландшафты, содержащие крупные камни, которые являются редкостью для Сургутского Приобья [Балалаева, 2002, с. 158].

С одной стороны, мы наблюдаем фактор субъективности при сакрализации природных объектов хантами, с другой стороны, анализ материалов показывает, что такие объекты могут иметь наиболее предпочтительные ландшафтные характеристики, привлекающие внимание носителей хантыйской культуры. При этом традиционная хантыйская терминология природных ландшафтов может не совпадать с таковой в ландшафтоведении. Учитывая перечисленные факторы, мы вынуждены ориентироваться на общепринятую терминологию природных объектов. Из водных объектов в фокус нашего исследования вошли: озеро (болотное озеро, лесное озеро), остров на озере, мыс на озере, ручей, старица, река и ее составляющие (устье, омут, плес, отмель, остров, русло). Среди объектов суши выделены: болото, залесенное болото (рям), останец и/или минеральный остров посреди болота, увал (материк), сопка (гора), коренная терраса, мыс коренной террасы, берег водоема, яр (высокий берег водоема).

Места обитания божеств — *ймынг тохи*

В ходе исследования были изучены характеристики 65 священных мест (*ймынг тохи*), ассоциирующиеся у сургутских хантов с местами пребывания божеств. В фольклоре такие места могут быть связаны единой сюжетной линией о деяниях фигур пантеона [Песикова, 2002; Рудь, 2014, с. 113–123].

I. В число мест обитания божеств *лунк* входят священные места *кот-мых*, которые, по представлениям хантов, являются точками «проживания» божеств-покровителей человека (рода, территориальной группы). С таких мест люди могут брать скол дерева для изготовления культового изображения божества. Наиболее частой характеристикой священных мест *кот-мых* является приуроченность их к ландшафтам с четкими визуальными границами:

а) возвышенности («сопки», «горы», «гривы»), расположенные на удалении от русел крупных водотоков: священное место *Йипэт ланки Кот-Мых* [Рудь, 2006], культовый ансамбль *Партен пев Кот-Мых* [Рудь, 2006], священное место *Камысь ях Кот-Мых* [Рудь, 2007], священное место *Коим Кот-Мых* в бассейне р. Большой Юган [Там же]; культовый ансамбль *Пырышкин Кот-Мых* [Рудь, 2006; ПМА. 2014], священное место *Олпинтах ыхтэ соим Кот-Мых* в бассейне р. Малый Юган [Там же];

б) возвышенности («горы» и «сопки») коренных террас водотоков, а также останцы коренных террас в пойме: священное место *Сихэп ях Кот-Мых* на р. Сэккынгъяха в бассейне р. Малый Юган [Рудь, 2007]; священные места *Кот-Мых Ермаковых* [Там же], *Вать выс Кот-Мых* на р. Ингуягун в бассейне р. Тромъеган [Там же]; священные места *Келмэнг яун Кот Мых* и *Оккэн Колхэн Ко Кот Мых* на р. Тляттыягун в бассейне р. Тромъеган [Рудь, 2006]; священное место *Яун той Кот-Мых* [Рудь, 2006, 2014], священное место *Тулэк Кот-Мых* [Рудь, 2007], священное место *Йымынг рэп-Йымынг соим* [Рудь, 2006, 2014], приуроченные к берегам р. Тромъеган;

в) острова на поверхности водоемов: жертвенный остров в акватории священного озера Нумто [Терехин и др., 2015]; остров *йымынг пай* на священном озере Имлор [Рудь, 2006; Липс, 2012];

г) «острова» оригинальной растительности, произрастающей среди типичной таежной флоры: к примеру, «кедровый остров» *Лунк яун той* [Рудь, 2014]; остров коренной террасы, ограниченный со всех сторон старицами реки,— священное место *Мэлэх ури Кот Мых* [ПМА. 2004, 2010, 2012, 2017], приуроченные к притокам р. Тромъеган. К этому же подтипу можно отнести священное место *Вокы рэп* [Рудь, 2007] на р. Ингуягун в бассейне р. Тромъеган, расположенное в пойме водотока и ограниченное почти по кругу рекой и ее высокой левой коренной террасой.

II. Подобными же характеристиками (как место обитания божества, где берут скол дерева для изготовления его образа) могут обладать священные места категории *эвэт* («высокий священный берег реки»), которые практически всегда приурочены к высоким коренным террасам водоемов. К таким местам отнесены: священное место *Ляминская Гора (Лимин Ики Эвэт)* на р. Лямин [Рудь, 2006, 2014]; священные места *Кор Воч Эвэт* [Рудь, 2006, 2014] и *Эвэт Мых* [Рудь, 2006, Ведмидь и др., 2015] на р. Тромъеган; священное место *Эвэт (весенний лабаз Яун Ики)* в составе культового ансамбля *Яун Ики* [Рудь, 2006], культовый ансамбль *Сорвон-Эвут-Ими* [Там же] и священное место *Еутская гора* [ПМА. 2004, 2007–2009, 2014] на Большом Югане; культовые ансамбли *Эвэт-Кот* и *Сапат-Сэвут-Эвут-Ики* на Малом Югане [Рудь, 2006].

III. В отдельную категорию можно выделить сакральные ландшафты, приуроченные к устьям рек. Часто такие природные объекты ассоциируются у хантов с местами проживания божеств-хозяев впадающего притока. Необходимо отметить: приустьевые священные места, как правило, расположены в низких поймах и редко приурочены к коренным террасам. К таким священным местам можно отнести: *Кат яун кут Кот-Мых* в устье р. Нятлонгаягун [Рудь, 2007], *Тлятты яун оум* в устье р. Тлятты ягун [Рудь, 2006]. К этой же категории можно отнести священные места, расположенные на озерных мысах и ассоциирующиеся с местами обитания божеств-покровителей этих водоемов. Среди них можно отметить — священный мыс на оз. Пертят лор (бассейн р. Тромъеган) [ПМА. 2004, 2010], священные мысы на озерах Икиинклор и Выртльсамлор в бассейне р. Ингуягун [Рудь, 2007; ПМА. 2003, 2006], а также культовый ансамбль *Рапын-сор-Ики*, расположенный на озерном мысу в бассейне р. Айпим [Рудь, 2006]. В большинстве случаев такие ландшафты заболочены и не имеют заметных возвышений в рельефе.

Отметим, что идея острова или мыса (ограниченного другими ландшафтами оригинального пространства) является одним из краеугольных камней сакрализации территории хантами Сургутского Приобья. Термином «остров» (*пай*) или «мыс» (*вынтын*) часто маркированы и другие, не вошедшие в обзор типы священных и почитаемых мест сургутских хантов, не являющиеся при этом островами или

мысами с точки зрения географической терминологии. К примеру, этот термин применяется хантами в отношении многих святилищ, связанных с культами божеств-покровителей местных сообществ и территорий. Так, термином *йымынг пай* («священный остров») юганские ханты Тайлаковы обозначают месторасположение родового святилища, приуроченного к коренной террасе р. Сугмутенъях [ПМА. 2007], и аналогично малоюганские ханты — месторасположение святилища *Ай-Никен*, которое с точки зрения геоморфологии представляет собой окруженный старицей мысовидный фрагмент террасы Малого Югана [ПМА. 2004, 2009, 2014].

IV. Еще одной категорией сакральных ландшафтов (мест пребывания божеств) являются водоемы (или их участки) — омуты, места слияния рек, акватории крупных глубоких озер. Такие объекты могут восприниматься и как места проживания местных божеств — покровителей водоема (или его участка), и как места, где можно приносить жертву верховным божествам пантеона — покровителям водой стихии *Инк Ики, Ас Ики, Ас той Ики.* К таким священным местам можно отнести *Яун йорт* в устье р. Аган [Рудь, 2007], священное место в устье р. Малый Юган [ПМА. 2004, 2008, 2009, 2014], а также священное место *Сапорки Вэс Имин Икин* в низовьях Тромъегана [Рудь, 2007].

Места обитания духов — *атым тохи*

В локализации мест обитания большей части духов (*илек канлэх от, пор-нэ, менк*) не выявлено четких ландшафтных закономерностей. Ассоциация природных объектов со злыми духами часто имеет окказиональный характер. К урочищам, населенным демоническими персонажами, ханты относят территории с захоронениями младенцев и мертворожденных детей, магическими изображениями *улэп*. Также, вне зависимости от приуроченности к какому-либо природному ландшафту, наблюдается связь таких персонажей с оставленными местами проживания человека — брошенными жилыми домами. Генезис таких мест в картине мира сургутских хантов часто связан с неудачами в промысле, поломкой техники, болезнями, смертью человека, а также с другими несчастными случаями и негативными событиями и ассоциируется с воздействием разнообразных злых духов на человека и места его проживания, технику, орудия промысла, или домашних животных [Рудь, 2011, 2023].

Места обитания некоторых из духов могут иметь общие характеристики. Ландшафты, ассоциирующиеся с великанами *менк*, почти всегда имеют характеристику возвышающихся над окружающей поверхностью «гор», «сопок», «грив». Одной из частых характеристик мест обитания *менк* является «чернолесье» (темнохвойная тайга) или густая смешанная растительность. К местам обитания *менк* могут относиться и другие характеристики — «обрывистые берега рек», «камни», песчаные выдувы, завалы из деревьев на крупных реках. Перечисленные характеристики, по сведениям информантов, содержат визуальные свидетельства воздействия силы великанов *менк* или их присутствия в прошлом.

При этом в правобережье и левобережье Оби места, ассоциирующиеся с *менк*, имеют свои локальные особенности. Так, в левобережье Оби у юганских хантов места проживания *менк* приурочены к удаленным от основного русла больших рек останцам или к краям высоких увалов с произрастающей на них смешанной растительностью [ПМА. 2003, 2004, 2007]. На Тромъегане, где в большинстве случаев на коренных террасах рек в микрорельефе отсутствуют большие перепады высот, даже небольшие возвышения рельефа (5–10 м), в том числе в светлых сосновых борах, могут маркироваться хантами как «места обитания *менк*». Объекты с такими характеристиками зафиксированы в верхнем течении Тромъегана [ПМА. 2003], в среднем течении р. Тляттыягун [ПМА. 2004], в нижнем течении р. Ингуягун [ПМА. 2006]. Нужно отметить, что на правых притоках Агана — в верхнем течении р. Ватьеган [ПМА. 2006], в бассейне р. Айкаеган (священное место *Овыр Мых*) [Рудь, 2007] и в верхнем течении р. Лямин (священное место *Шикъ ехом*) [Ведмидь и др., 2010b; ПМА. 2003, 2012] аналогичные ландшафты не ассоциируются с великанами *менк*, но являются местами пребывания божеств-хозяев этих урочищ и относятся к категории «священное место». В верхнем течении Лямина находится р. Менкалемынг, получившая название по причине нахождения на ее берегах множества камней и валунов *«размером с человека»* [ПМА. 2003, 2012], которые ассоциируются у хантов с окаменевшими великанами *менк*. Напротив, в левобережье, у юганских хантов, большие камни в руслах рек Большой Юган (в районе ю. Тайлаковых) и Малый Юган (в районе ю. Киняминых) почитаются как божества-хозяева участка водоема. В некоторых случаях наделение ландшафтов, обладающих схожими характеристиками, но соотносящихся с разными персонажами (божествами или же духами), наблюдается в пределах проживания одной территориальной группы. Так, в

среднем течении р. Лямин известен *«Семилиственный яр»*, связанный фольклорным сюжетом с великанами *менк*. Он представлен высоким участком правобережной надпойменной террасы, поросшей смешанным лесом [ПМА. 2003, 2014]. Идентичные с «Семилиственным яром» ландшафтные характеристики содержит наиболее значимое святилище хантов нижнего Лямина — *Им воч ими* (*«Хозяйка священного города»*) [Рудь, 2014; ПМА. 2003, 2007, 2011]. В пределах полусотни километров к востоку от упомянутой выше р. Менкалемынг, на водоразделе Пима, Тромъегана и Казыма, существует священное место *Казым Ими Пэсан* (*«Казымской Богини стол»*). Здесь основным объектом почитания является большой камень — жертвенный стол божества *Казым Ими*, этот камень никак не ассоциируется великанами *менк* [Балалаева, 2002, с. 158; ПМА. 2010, 2012].

Места обитания *пор нэ, илек канлэх от ('маячек')* часто имеют характеристики урочища, покрытого густой смешанной растительностью или чернолесьем, и выделяются в ландшафте на фоне типичной флоры. Примером таких мест может быть кедровый остров *Чек мыным пай («Горе-беда пришло остров»)* в верховье Большого Югана, ассоциирующийся с маячками [ПМА. 2009]. С маячками ассоциируется поросший кедрами участок заболоченной коренной террасы одного из небольших притоков р. Айпим — *Пыхты юх пай* (*«Черных деревьев остров»*) [ПМА. 2007]. С персонажем *пор нэ* ассоциируется останец — «кедровый остров» *Ерхан ими юх пай («Ненецкой женщины островок леса»)* на водоразделе Тромъегана и Пура [ПМА. 2004, 2005, 2006]. В нижнем течении р. Лямин с местом пребывания *пор нэ* информанты связывают высокий обрывистый берег реки — *Пор нэ рэп*, поросший сверху смешанным урманным лесом [ПМА. 2007].

Места обитания проживающих в воде чудищ *вес*, как правило, приурочены к самым глубоким участкам озер и стариц, а также к глубоким омутам на реках. Наиболее яркими признаками мест обитания *вес* являются осыпи речных и озерных яров, что часто интерпретируется информантами как *место, где вес землю ел (рыл)*. Таким же важным признаком обитания *вес* является мутная толща воды или непросматриваемое (с берега, с лодки) дно водоема: *вода в нем темная — дна не видать* [ПМА. 2003, 2004, 2009, 2012].

Закономерности географической приуроченности сакральных ландшафтов

В процессе картографирования сакральных ландшафтов установлена их приуроченность к существовавшим до промышленного освоения традиционным маршрутам мобильности и хозяйственной деятельности хантыйских сообществ. У сургутских хантов, большинство населенных пунктов которых в прошлом было расположено на обских притоках первого порядка, значительное число священных мест, ассоциирующихся с наиболее почитаемыми божествами, локализуется около крупных водотоков. По руслам крупных обских притоков или на небольшом удалении пролегали традиционные магистральные дороги, обеспечивающие коммуникации между сообществами. К местам регулярной мобильности и деятельности человека тяготеет и большая часть природных объектов, связанных с духами. Другая закономерность наблюдается в локализации многих священных мест родовых божеств-покровителей (*кот-мых*), а также святилищ божеств-покровителей охотничьих промыслов, которые часто расположены на малых притоках в местах ограниченной деятельности небольших сообществ (семей, родов).

Необходимо отметить, что сакральные ландшафты часто выполняют функции ориентиров в таежном пространстве. Будучи приметными природными объектами, такие места издавна являются визуально наблюдаемыми ключевыми точками пространства при перемещении и хозяйственной деятельности. Также значимой является необходимость принесения жертвы при нахождении на землях «не своих» («чужих») божеств — что, по мнению информантов, способствуют безопасности путешествия и его хорошему исходу. В местах обитания многочисленных духов существуют установленные традицией ограничения и ритуалы, которые требуется неукоснительно соблюдать для предотвращения негативных последствий пребывания человека.

На территориях совместного проживания ненецкого и хантыйского населения (к примеру, в верхнем течении р. Аган и бассейне р. Лямин [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 90–138]), а также в местах смены одной территориальной группы хантов на другую (к примеру, бассейн р. Демьянка [Адаев, 2007, 2013]) наблюдается преемственность сакральной географии. При этом фольклорно-мифологическая составляющая предшествующей культуры может быть в значительной степени забыта, но сам природный объект у новопоселенцев часто сохраняет священный (или почитаемый) статус и наполняется новыми символами. В таких примерах важную роль играет как визуальное ассоциативное восприятие уникального ландшафта переселенцами, так и память о его сакрализации прошлым населением.

Переселенцы на новых землях могут приносить жертвы, адресованные родовым божествам-покровителям, чьи святилища находятся на большом удалении, на других крупных притоках Оби. При локализации таких мест отправления ритуалов в новом месте проживания может работать фактор расположения сакрального пространства за «спиной» жилого дома, в «ночную» (северную) сторону от жилья человека, обладание выбранной ритуальной площадки необычными характеристиками. В описанной схеме у мигрантов всегда остается в силе необходимость посещения святилищ божеств-покровителей своего рода и территориальной группы, расположенных на значительном удалении [Адаев, 2007, с. 142–147; ПМА. 2011]. И если для старшего поколения переселенцев такие поездки символизируют «возврат к корням», то для молодежи, родившейся в новом месте, они выполняют функцию расширения сакральной географии.

Как уже отмечалось выше, генезис мест обитания духов часто имеет окказиональный характер. Из этого следует приуроченность их расположения ко всей территории хозяйственной деятельности человека. Вместе с тем можно предположить, что отдельные приметные ландшафты обитания духов могут выполнять и функции маркеров границ освоенного человеком пространства, а в прошлом, возможно, и межэтнических рубежей. Так, некоторые из почитаемых ландшафтов — мест обитания великанов *менк* и негативных фигур *пор нэ* находятся на водоразделах крупных рек, на периферии проживания территориальных групп — в местах минимальной плотности населения и хозяйственной деятельности. К таким местам можно отнести *урочище Паур* на водоразделе Большого Югана и Демьянки, где, по преданию, обский хант победил последнего *менк* [ПМА. 2005, 2007], а также упомянутое выше почитаемое место *Ерхан ими юх пай* (*«Ненецкой женщины островок леса»*) на водоразделе Тромъегана и Пура, ассоциирующийся у тромъеганских хантов с местом пребывания *пор нэ* и *«маячек»* [ПМА. 2004, 2005]. В связи с активным промышленным освоением Сургутского Приобья еще одной версией появления «маячек» в таежных урочищах, по мнению Д.А. Вигета, является процесс трансформации понятных традиционному человеку домашних, сакральных и охотничьих ландшафтов в переходные (лиминарные) пространства, несущие следы воздействия индустриализации и часто ассоциирующиеся с Нижним миром хантыйского космоса [Вигет, 2025, с. 76–88].

Последние 50 лет, в связи с отчуждением земель в ходе промышленного освоения и вынужденными миграциями в пределах Сургутского Приобья, у хантов появились практики переноса ритуальных площадок святилищ. Выбор нового места отправления ритуалов часто выполняется с помощью традиционных видов гадания или шаманским камланием. В процессе подбора важными факторами могут служить схожие с характеристиками старого места природно-ландшафтные особенности. К примеру, при переносе святилища *Высокая Ель* на Тромъегане новое место ритуальной площадки было подобрано по подобию первоначального ландшафта, с высокими елями, в пойме р. Тромъеган [Рудь, 2016; ПМА. 2004, 2010, 2014].

До появления в Сургутском Приобье сети дорог преемственность сакрализации пространства осуществлялась в форме множества локальных вариантов в пределах территории хозяйственной деятельности отдельных сообществ. Крайними точками сакрализации пространства могли быть места проживания родственников, удаленные охотничьи угодья или оленеводческие пастбища, а также населенные пункты — центры местной администрации и социально-экономической деятельности. С развитием разветвленной сети автодорог у обычного таежного жителя появились широкие возможности для расширения своей деятельности, и в том числе сакральной географии. В результате сегодня сургутские ханты могут посещать удаленные от них святилища общеугорских божеств, о местах локализации которых поколение их предков знало только из фольклорных сюжетов.

Заключение

Подытожив проведенные исследования, можно сделать следующие выводы.

В основе сакрализации природных объектов у сургутских хантов наблюдается идея «острова» — имеющего четкие границы природного объекта, выделяющегося на фоне обычных таежно-болотных ландшафтов, который ассоциируется с местом пребывания персонажей традиционных верований — божеств или духов. С точки зрения ландшафтоведения многие из этих природных объектов, по сути, не являются островами.

Наиболее предпочтительными для сакрализации являются доминирующие на равнине возвышенности, устья рек, острова и мысы озер и рек, а также глубокие омуты водоемов и другие природные объекты, в которых носители традиционной культуры фиксируют уникальность — непохожесть на окружающие урочища. Маркером сакрального ландшафта также могут выступать

хорошо выраженные в рельефе археологические объекты (городища, укрепленные жилища). Большинство признаков сакральных ландшафтов, связанных с необычными природными объектами, имеет универсальные характеристики в границах проживания хантов в зоне тайги. Так, сакрализация подобных урочищ была зафиксирована у соседних групп — казымских [Балалаева, 2002, с. 154–160] и ваховских хантов [Дмитриев-Садовников, 2013; Шатилов, 1931, с. 102–109]. Вместе с тем природные характеристики мест обитания некоторых персонажей, к примеру *менк*, в правобережье и левобережье Оби могут иметь существенные различия, обусловленные локальной спецификой ландшафтов разных берегов Оби.

Не последнюю роль в сакрализации ландшафта может иметь окказиональный фактор. В этом случае природный объект, не обладающий уникальными характеристиками, становится местом явленности мифологического персонажа или необычных событий и предметов, что для коренных жителей может стать указанием на связь ландшатфа с миром божеств и духов. При повторении подобных случаев особый статус может закрепиться за таким объектом, и тем самым утвердится его сакральность для более широкой публики. В случаях с местами обитания духов окказиональный характер генезиса сакрального ландшафта часто связан с реальными негативными событиями, случавшимися в его границах.

В ходе анализа материалов обнаружилось, что во многих случаях места обитания божеств (священные места) и ландшафты, связанные с духами (почитаемые места), имеют большое число общих характеристик, а в некоторых случаях практически идентичны. Последнее подтверждает нашу гипотезу об обратимости сверхъестественных существ хантыйского космоса — возможности перехода персонажей категории «духи» в категорию «божества» и наоборот [Рудь, 2023].

Наделение носителями таежной культуры уникальных природных ландшафтов священными свойствами имеет историческую (в рамках территориальной группы, длительно проживающей на одной территории), а иногда межэтническую преемственность. В случаях смены культур часто наблюдается преемственность сакрального статуса природного объекта, который переселенцы могут наполнять своими символами и мифологией.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию FWRZ-2021-0006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В.Н. Ушедший хозяин Демьяна (почитание хантами духа-хозяина р. Демьянка в XX в.) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2007. Вып. 20. С. 186–205.

Адаев В.Н. История юганских хантов на р. Демьянке в 1970–2000-е гг.: Становление этнотерриториальной группы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 142–147.

Адаев В.Н., Карась П.Л. Ландшафтная приуроченность священных мест ненцев в свете проблем этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Тюмень: Издатель-Полиграфист, 2022. С. 98–101.

Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 220 с.

Балалаева О.Э. Священные места хантов средней и нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд., исправл. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 150–166.

Ведмидь Г.П. Святилище Лук Эвэт Ики на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 262–266.

Вигет Д.А. «Те, кому нет препятствий»: Маячки в культурном ландшафте юганских ханты // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 76–88. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: Ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014. 231 с.

Данилова Е.Н. Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки. СПб.: МАЭ РАН, 2024. 241 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М.: Либерея, 1996. Т. 2. 412 с.

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия Югорских народов: Соч.: В 3 т. / Пер. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: Том. ун-т, 1994. Т. I. 152 с; 1995. Т. II. 284 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в кон. XIX — нач. XX вв.: Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 226 с.

Кулешова М.Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках: (Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России; Вып. 6.). М.: Центр охраны дикой природы, 2002. 105 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 136 с.

Материалы по изучению Сибири / Под ред. В.В. Ревердатто, А.М. Кузьмина, И.М. Мягкова. Томск: Томское отделение Общества изучения Сибири и ее производительных сил, 1930. Т. 2. 351 с.

Мартин Ф.Р. Сибирика. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. 144 с.

Морозов В.М. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 37–50.

Морозов В.М., Ведмидь Г.П., Бакалдин М.Н. Историко-культурный комплекс «Святое» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. С. 113-123.

Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: Теория и эмпирические исследования. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 230 с.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: ГРАФО, 2006. 352 с.

Песикова А.С. Глухариная гора — Барсова Гора // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. С. 75–85.

Рудь А.А. Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 339–354.

Рудь А.А. Культовые объекты восточных хантов в начале XXI в. // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 136–141.

Рудь А.А. Божества и духи в представлениях хантов Сургутского Приобья (по материалам 2002–2017 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 210–219. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-17

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Томск: Томский краевой музей, 1931. 175 с. (Труды Томского краевого музея; Т. IV).

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Jordan P. Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khanty. AltaMira Press, 2003. 309 p.

ИСТОЧНИКИ

Ведмидь Г.П., Рудь А.А. Проект зон охраны святилища ханты Сут Похэль на Верхне-Надымском месторождении нефти в Сургутском районе ХМАО — Югры: (Пояснительная записка). Сургут, 2006 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 371.

Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Усова Л.И. Проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия «Священное озеро Имлор» в Сургутском районе ХМАО — Югры. Сургут, 2010a // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 487 (Т. I), Д. 488 (Т. II), Д. 489 (Т. III).

Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Проект зон охраны территории святилища ханты Йымынг (Шикъ) ехом в Сургутском районе ХМАО — Югры. Сургут, 2010b // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Р-4. Д. 491 (Т. I), Д. 492 (Т. II).

Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Разработка научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного места «Эвыт-ики (Шаман гора)» в Сургутском районе ХМАО — Югры. Сургут, 2015. // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 641.

Данилова Е.Н., Бахарев П.С. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Эвут Рап» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры. Екатеринбург, 2015 // Архив неформального некоммерческого объединения археологов и специалистов смежных дисциплин Ассоциация «Северная Археология», г. Екатеринбург. Ф. 1., Д. 305.

Дмитриев-Садовников Г. Мои работы по Ваховской экспедиции Тобольского Губернского музея в 1913 году: Дневник (рукопись, 1913 г.) // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Инв. № 135. 66 л.

Достопримечательные места Югры // Официальный сайт Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры (Госкультохрана Югры). URL: https://nasledie.admhmao.ru/dostoprimechatelnye-mesta-yugry/ (дата обращения: 14.03.2025).

Липс С.А. Проект обоснования границ и характера использования достопримечательного места «Священное озеро Имлор». Нефтеюганск, 2012 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 541/

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Рекогносцировочное археологическое обследование среднего течения р. Малый Юган от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных в Сургутском районе ХМАО в 2000 году. Екатеринбург, 2001 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 100.

Рудь А.А. Учетные карточки на культовые объекты Сургутского района ХМАО — Югры (Большой Юган, Малый Юган, Тромъеган, Пим, Лямин). Сургут, 2006 // БИИКФ (г. Сургут). Ф. Р-4.

Рудь А.А. Учетные карточки на культовые объекты Сургутского района ХМАО — Югры (Большой Юган, Малый Юган, Тромъеган, Пим, Лямин). Сургут, 2007 // БИИКФ (г. Сургут). Ф. Р-4.

Рудь А.А. Обследование состояния объекта, описание предмета охраны и установление границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, представляющих ценность с точки зрения этнологии, расположенных в Сургутском районе ХМАО — Югры: (2 кн.). Сургут, 2014 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 574 (Кн. 1), Д. 575 (Кн. 2).

Рудь А.А. Полевые материалы этнографических экспедиций 2002–2017 гг. (р. Лямин, р. Пим, р. Тромъеган, р. Аган, р. Большой Юган, р. Малый Юган) // Личный архив А.А. Рудя, г. Верхняя Пышма.

Терехин С.А., Мельников А.Ф., Терехин С.С., Блинова Т.Д. Отчет о выполнении государственного контракта № 44 от 14.08.2014 г. на выполнение НИР по теме «Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Нумто». Ханты-Мансийск, 2015 // Архив ООО «Межрегиональный центр культурного и природного наследия», г. Ханты-Мансийск.

Rud' A.A. *, Karas' P.L.
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Chervishevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: raa@bk.ru (Rud' A.A.); karas.polin@gmail.com (Karas' P.L.)

Natural and geographical features of sacred landscapes of the Khanty in the Surgut Ob region

The aim of the study was to identify the natural features of landscapes that determine their sacralization by the Surgut Khanty people. This was achieved by addressing the following objectives: conducting a review of the mechanisms of sacralization of space and factors influencing this process, categorization of natural landscapes associated by the Surgut Khanty with different types of supernatural beings (deities and spirits), and identification of patterns in the location of sacred landscapes. The sources for the study were represented by publications on the sacred places of the Surgut Khanty and archival sources (reports on scientific research, accounting documentation on cult objects of the Surgut Khanty of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, and field materials of A.A. Rud', collected in 2002–2017). Among the Khanty of the Surgut Ob region, the most preferable for sacralization are the heights dominating in the landscape, areas of bedrock terraces of reservoirs, river mouths, islands and capes of lakes and rivers, deep areas of reservoirs, as well as other landscapes which the Khanty consider unique. Another reason for the sacralization of natural objects may be an occasional factor. The natural landscape may be associated with certain unusual (or historical) event in life of a person or community, or with a mythological character from the traditional worldview. In this case, the sacred landscape can be confined to any point in the taiga space.

Keywords: Surgut Ob region, Surgut Khanty, sacred landscape, deities, spirits.

Funding. The work was completed under state assignment FWRZ-2021-0006.

REFERENCES

Adaev, V.N. (2007). The departed master of Demyan (veneration of the spirit-master of the Demyanka river by the Khanty in the 20th century). In: *Zemlya Tyumenskaya: Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya. T. 20.* Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. universitetata, 186–205. (Rus.).

Adaev, V.N. (2013). History of Ugansk Khanty at the Demyanka river in 1970–2000: Development of an ethnoterritorial group. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 22(3), 142–147. (Rus.).

Adaev, V.N., Karas', P.L. (2022). Landscape confinement of sacred places of the Nenets in light of the problems of ethnoarchaeology. In: *Integration of Archaeological and Ethnographic Research: A Collection of Scientific Papers.* Omsk; Tyumen': Izdatel'-Poligrafist, 98–101. (Rus.).

Adaev, V.N., Martynova, E.P., Novikova, N.I. (2019). *Quality of life in the context of ethnological expertise in the Russian Arctic: Tazovsky district of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug.* Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).

Balalaeva, O. (2002). Sacred places of the Khanty of the middle and lower Ob. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: Nauchno-istoricheskie ocherki*. Ekaterinburg: Tezis, 150–166. (Rus.).

Golovnev, A.V. (1995). *Speaking cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugric peoples.* Yekaterinburg: IIA UrO RAN. (Rus.).

Golovnev, A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Yu., Babenkova N.A. (2014). *Ethnoexpertise in Yamal: Nenets nomadhood and gas fields.* Yekaterinburg: AMB. (Rus.).

Danilova, E.N. (2024). *Ethnological expertise in the theory and practice of modern Russian science.* St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Dunin-Gorkavich, A.A. (1996). *Tobolsk North. Vol. II.* Moscow: Libereia. (Rus.).

Eliade, M. (1994). *The Sacred and the Profane.* Moscow: Izdatelstvo MGU. (Rus.).

Jordan, P. (2003). *Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khanty.* AltaMira Press.

Kar'yalaynen, K.F. (1994). *Religion Ugra peoples. Vol. I.* Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).

* Corresponding author.

Kar'yalaynen, K.F. (1995). *Religion Ugra peoples. Vol. II*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).

Kulemzin, V.M. (1984). *The person and the nature in beliefs of Khanty.* Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (Rus).

Kulemzin, V.M., Lukina, N.V. (1977). *Vasyugan-Vakh Khanty at the end of XIX — beginning of XX centuries: Ethnographic essays.* Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

Kuleshova M.E. (2002). *Management of cultural landscapes and other objects of historical and cultural heritage in national parks: (Additional materials to the Strategy for the management of national parks in Russia, Iss. 6)*. Moscow: Tsentr okhrany dikoy prirody. (Rus.).

Lehtisalo, T. (1998). *Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets).* Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

Martin, F.R. (2004). *Sibirica: A contribution to the knowledge of the prehistory and culture of Siberian peoples.* Ekaterinburg; Surgut: Uralskiy. (Rus.).

Morozov, V.M. (1992). On the relationship between the archaeological and ethnographic complexes of the Ermakovo I hillfort. In: *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa.* Ekaterinburg: UrO RAN, 37–50. (Rus.).

Morozov, V.M., Vedmid, G.P., Bakaldin, M.N. (2002). Historical and cultural complex “Svyatoe”. In: *Barsova Gora: 110 years of archaeological research.* Surgut: Barsova Gora, 113–123. (Rus.).

Okladnikova, E.A. (2014). *Sacred landscape: Theory and empirical research.* Moscow; Berlin: Direct-Media. (Rus.).

Perevalova, E.V., Karacharov, K.G. (2006). *River Agan and its inhabitants.* Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN. (Rus.).

Pesikova, A.S. (2002). Capercaillie Mountain — Barsova Gora. In: *Barsova Gora: 110 years of archaeological research.* Surgut: Barsova Gora, 75–85. (Rus).

Reverdatto, V.V., Kuzmin, A.M., Myagkov, I.M. (Eds.) (1930). *Materials on the study of Siberia. Vol. 2.* Tomsk: Tomskoye otdeleniye Obshchestva izucheniya Sibiri i eye proizvoditelnykh sil. (Rus.).

Rud', A.A. (2011). Information about anthropomorphic images on trees in the Surgut Ob region. In: *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 9.* Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskii universitet, 339–354. (Rus.).

Rud', A.A. (2016). Ritual Sites of the Eastern Khanty in the XXI century. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 53(4), 136–141. (Rus.).

Rud', A.A. (2023). Deities and spirits in the ideas of the Khanty of the Surgut Ob region (based on materials from 2002 to 2017). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 63(4), 210–219. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-17).

Shatilov, M.B. (1931). *Vakhovsky Ostyaks: Ethnographic essays*. Tomsk: Tomskiy krayevoy muzey. (Rus.).

Vedmid', G.P. (2012). Sanctuary The Luk Evet Iki on Barsova Gora. In: *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 10.* Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 262–266. (Rus.).

Wiget, D.A. (2025). “Those Who Have no Barriers”: Mayachki in the Cultural Landscape of the Yugan Khanty. *Tulskiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznaniye*, 21(1), 76–88. (Rus.). https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88.

Zen'ko, A.P. (1997). *Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians: Structure and variability.* Novosibirsk: Nauka. (Rus).

Рудь А.А., https://orcid.org/0000-0002-0438-8159
Карась П.Л., https://orcid.org/0000-0002-3034-5734

Сведения об авторах:
Рудь Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.
Карась Полина Леонидовна, младший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.
About the authors:
Rud', A.A., Candidate of Historical Sciences, , Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.
Karas', P.L., Junior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 09.06.2025
Article is published: 15.09.2025